

Казбеков Б.К., д-р
экон. наук, проф.,
академик КазНАЕН
Казахский
национальный
университет им. аль-
Фараби,
Казахстан
Казбекова С.Б.,
магистр экономики,
аспирант
Московский институт
стали и сплавов,
Россия

Участники конференции,
Национального
первенства по научной
аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства по
научной аналитике

ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ «УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ» В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

В работе анализируется современное состояние теории устойчивого развития. Приводится определение понятия «устойчивая экономика» на основе разграничения между различными нормативными целями, которые приводят к эффективности и справедливости. Анализируется содержание устойчивой государственной экономики (УГЭ), которой придерживаются экологические экономисты в Франкофонном мире и УГЭ, провозглашенной в основном в Северной Америке. Обсуждаются стратегические утверждения, которые могут составить переход от слабого устойчивого развития (СБУРа) к сильному устойчивому развитию (СЛУРу).

Ключевые слова: устойчивое развитие, эффективность, справедливость, устойчивая государственная экономика, климатические изменения, зеленое устойчивое счетоводство, внешние факторы, интерналии, совместное производство, запасы, спадающее движение, слабое устойчивое развитие, сильное устойчивое развитие, рефлексивное устойчивое развитие.

In this paper analyzes the current state of the theory of sustainable development. Definition of “sustainable economy” based on the distinction between different regulatory objectives, which lead to efficiency and equity are adduced. An analysis of the steady state economy (SSE), which adheres to environmental economists in the Francophone world and SSE, launched mainly in North America. Also in this paper were discussed strategic statements, which can make the transition from weak sustainable development (WSD) to a strong sustainable development (SSD).

Экономическое развитие определяется тремя факторами: трудовыми ресурсами, средствами производства (капиталом) и природными ресурсами. Последний фактор длительное время либо недооценивался, либо не учитывался вовсе в экономической теории и на практике. Это явилось одной из причин формирования экономики техногенного типа, который характеризуется как природоёмкий (природоразрушающий) тип развития, базирующийся на использовании средств производства и труда без учета экологических ограничений [1]. По мере техногенизации общества стремительно росли масштабы ущерба наносимого окружающей среде. В связи с этим в 1980-х годах в целях разработки конкретных предложений по решению экологических проблем ООН была сформирована комиссия под председательством Г.Х. Брундтланд, в отчете которой был использован термин «устойчивое развитие». По мере изменения ситуации в окружающей среде менялось и его содержание. Если ранее под этим термином понималась система эксплуатации природных ресурсов, при которой они не истощаются и имеют возможность естественного воспроизводства, то уже в 1987 году в докладе «Наше общее будущее», представленном указанной Комиссией в ООН, понятие устойчивого развития определяется как: «...

развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [2].

В принятой на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году представителями 179 стран «Повестке на XXI век» концепция устойчивого развития приобрела статус важнейшего принципа существования земной цивилизации [3]. Именно после этого стало понятным, что все завоевания цивилизации без решения проблем окружающей среды поставлены под угрозу уничтожения. На Всемирном саммите по УР в Йоханнесбурге в 2002 г., стратегия УР получила статус политической рекомендации для всех стран мира и народов [4]. Согласно указанным документам устойчивое развитие предполагает повышение качества жизни всего населения планеты без увеличения масштабов использования природных ресурсов до степени, превышающей возможности Земли как экологической системы. Усилия по формированию устойчивого образа жизни предполагают комплексный подход к деятельности в трех ключевых областях: Экономический рост и справедливость; Сохранение природных ресурсов и охрана окружающей среды; Социальное развитие.

Переход к УР должен снять альтер-

нативу в пользу выживания и дальнейшего непрерывного развития цивилизации, но в существенно измененной - биосферосовместимой форме, не разрушающей природную среду своего обитания, которая является естественной колыбелью любой жизни, в том числе и разумной. В то же время оценка состояния охраны окружающей среды показывает, что предложения, изложенные в Повестке дня на XXI век, дополненные на Всемирном саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в 2002 году (ВСУР) и требующие заменить парадигму человеческой исключительности (где человек полагается венцом, покровителем природы) на стратегию социо-природного развития, базирующейся на новой экологической парадигме, предполагающей обеспечение единства социального, экологического и экономических аспектов развития – не выполняются, что приводит к необратимым климатическим изменениям [4].

В последнее время, например, в Казахстане климат быстро меняется. С 1941 по 2010 г. температура воздуха повышалась практически по всей стране и во все сезоны года за исключением некоторых локальных районов. При этом температура воздуха возрастала каждые 10 лет в среднем за год на 0,31 °С. Наибольшими темпами повышалась температура воздуха в зимний период - в среднем по Казахстану на 0,50 °С за последние 10

лет, а на западе и в отдельных районах северной и центральной частей республики – на 0,60...0,65 °C. На большей части территории страны значительно сокращается число дней с температурой ниже нуля, одновременно увеличивается число жарких дней, увеличивается продолжительность волн тепла и сокращается продолжительность волн холода, постепенно увеличивается вегетационный период. Летом осадки уменьшались на большей территории Казахстана, включая северные районы. Также за этот период возросла неравномерность выпадения осадков во времени, когда ливневые дожди сменялись периодами засухи. Повсеместное повышение сезонных и годовых температур приземного воздуха и практически неизменное или уменьшающееся количество летних осадков приводят к усилению засушливости климата в равнинных районах, полупустынь и пустынь, а также в близлежащих к ним регионах [5].

Становится очевидным, что появление в последнее время так называемых экстремистских эколого-экономических теорий устойчивого развития являются своеобразной реакцией интеллектуального сообщества на стремительно происходящие глобальные климатические изменения. Так, неспособность добиться радикального изменения в отношениях между экономикой и окружающей средой привела к появлению концепций экотопии, означающей в чистом виде теории абсолютного ограничения экономического развития. В отличие от концепции нулевого роста Д. Медоуза (доклад Римскому клубу «Пределы роста» (1972)), это даже минусовый рост [1].

В настоящее время эволюция концепции «устойчивое развитие» в первую очередь происходит в направлении дальнейшего углубления и спецификации самих терминов и понятий, составляющих эту теорию. Для уточнения определения и интерпретации «устойчивой экономики» Stefan Baumgartner и Martin Quaas делают сопоставление определений общей и точной устойчивости и устойчивой экономики, а также теоретического и практического подходов к ним [6].

Устойчивая экономика определя-

ется ими как цель по отношению к понятиям справедливости и эффективности с превалирующими при этом отношениями между человеком и природой в долгосрочной перспективе и, по существу, неопределенном будущем. Отсюда возникает понимание устойчивости в качестве справедливости, которая рассматривается отдельно от вопроса об экономической эффективности, в соответствии с важными вкладами, внесенными в их содержание обеими современными теориями: неоклассической и экологической экономики.

Общее определение устойчивой экономики в целом они дополняют таким образом идеями «справедливости» и «эффективности». Поэтому при формулировке конкретных понятий устойчивости и устойчивой экономики обе эти идеи должны присутствовать. Например, если кто-то определяет «справедливость», просто как антропоцентрическую и утилитарную в смысле «не уменьшения полезности с течением времени», и если натуральные товары и услуги могут в достаточной степени быть заменены искусственными товарами и услугами, то это приводит к такому пониманию, которое называют «слабой устойчивостью». Напротив, если «справедливость» понимают как выходящие за рамки антропоцентрического интереса, включая присущие природе права, или же, в качестве альтернативы, если «справедливость» понимают, как антропоцентрическую и утилитарную, но натуральные товары и услуги не могут в достаточной степени быть заменены искусственными товарами и услугами, то это приводит к так называемой «сильной устойчивости». Оба эти термина являются специфическими понятиями устойчивости, которые вытекают из конкретных идей справедливости и конкретных предположений о взаимодействии человека и природы, и, следовательно, являются частными случаями более общего определения устойчивой экономики.

Stefan Baumgartner и Martin Quaas прилагают также значительные усилия по созданию практической концепции устойчивости, основанной на

концепции устойчивости «неизмеримого благополучия и счастья», которая исходит из того, что «много природных активов и активов услуг могут обойтись интегрированными экологическими и экономическими счетами ... не прибегая к оценке полезности и благосостояния», но используя при этом денежную оценку [6]. Однако проблема заключается в том, что вся система цен, включая процентные ставки, используемая для денежной оценки и агрегирования в системе национальных счетов, прежде всего зависит от распределения доходов и богатства. Причем это относится как к реальным рыночным ценам, так и к готовности людей платить за нерыночные товары и услуги, также как и для теневых цен, которые указывают на «истинный» экономический дефицит, то есть дефицит ресурсов по отношению к преследуемой всеобщей социальной цели.

Нынешняя практика национального (и устойчивого) счетоводства основана на текущих рыночных ценах, которые искажены во многих отношениях, и которые исходят из распределения доходов и богатства статуса-кво. Поэтому, чтобы мысленно оценить экологические услуги и компоненты природного капитала, предполагается, что распределение доходов и богатства статуса-кво уже почти близко к задачам общества, т.е. эти показатели можно считать значимыми как внутри, так и между поколениями. На самом деле это не очевидно и, следовательно, текущая практика «зеленого» счетоводства отстает от достижения поставленной цели - а именно от формирования значимых показателей устойчивого экономического развития.

Тем не менее приложение усилий в развитие «зеленого» устойчивого счетоводства и показателей, является плодотворным и действительно означающим практический прогресс в измерении и выражении устойчивого экономического развития. Однако, это предполагает и требует концептуального уточнения того, что составляет, с точки зрения индивидуального благополучия, всеобщую общественную цель устойчи-

вого экономического развития. Следовательно, считают Stefan Baumgartner и Martin Quaas, что именно эта последняя точка зрения заслуживает того, чтобы быть в центре внимания в любой попытке дать определение устойчивой экономики.

В основе всякой критики устойчивости лежит роль внешних факторов.

Сегодня существуют множество различных концепций о роли внешних факторов в устойчивости. Некоторые из них обширные и включают все действия экономических агентов, которые имеют заметное влияние (выгоду или ущерб) на полезность другого экономического агента или производственные возможности без их полного согласия. А некоторые, наоборот, - довольно узкие, обозначающие только прямое воздействие того же рода. Кроме того, имеются концепции, основанные не на источниках, а на последствиях влияния внешних факторов, среди которых можно выделить представления о внешних факторах, которые включают только Парето-значимые воздействия, а также те, которые включают дистрибутивные воздействия [6].

Очевидно, что любой ответ на вопрос о том, какова роль (динамических) внешних факторов, или их интернализации в достижении нормативных целей эффективности распределения ресурсов и справедливого распределения благ, в огромной степени зависит от того, увязаны ли они с понятием «внешние факторы», а также выяснения того, влияют ли нынешние действия на состояние природы и экономические условия людей, которые будут жить в будущем, и, таким образом, имеют ли они потенциальное воздействие с точки зрения этих двух нормативных целей.

Довольно прямой, но более общий и плодотворный способ описания этого влияния - это сочетание понятий совместного производства и запасов. В соответствии с ожидаемым результатом какого-либо действия совместное производство означает, например, что при производстве продукта, такого как электричество от ископаемого топлива, обязательно существуют другие эффекты, о ко-

торых кто-то может знать, а может и нет; или материал субпродуктов таких, как выпуск углекислого газа в атмосферу; или нематериальные изменения, такие как изменения на уровне знаний, привычек, или учреждений. Действительно, внешние факторы уже давно были описаны как частный случай совместного производства. Вкратце, запас является объектом, который, в принципе, согласно некоторым динамическим отношениям имеет временную долговечность и изменчивость. Если некоторые нынешние действия каким-то образом изменяют сырье, например, нынешние выбросы углекислого газа способствуют накоплению запаса вещества в атмосфере, и этот запас, в свою очередь, имеет отношение к будущим решениям, например, как управлять сельским хозяйством в рамках преобладающих климатических условий, то запас динамики позволяет понять, как нынешние действия станут важны для будущих возможных или действительных решений.

Поэтому любое обсуждение устойчивости имеет дело с концепцией запасов, а запасы - это объект, соединяющий текущие действия с будущими результатами. В свою очередь, концепция совместного производства добавляет также другое измерение, где центральным вопросом является учитываются ли эффекты совместных продуктов при расчете текущих решений или нет. Если нет, то совместное производство может представлять собой внешний фактор, что может привести к неэффективности распределения ресурсов, как в статической, так и в динамичной среде. Однако, надо иметь в виду, что эффективность распределения ресурсов и распределительная справедливость - это цели, которые по крайней мере аналитически различны. Отсюда, интернализация внешних факторов позволяет достигать эффективности распределения ресурсов, но не обязательно в справедливости в распределении благ, и, следовательно, не обязательно в устойчивости.

Следовательно, полагают Stefan Baumgartner и Martin Quaas, что обычное определение «устойчи-

вая экономика» начиная с части как устойчивости, так и экономики (в отличие от практических подходов к экономической устойчивости), исходя из четкого разграничения между различными нормативными целями, приводит к понятиям эффективности и справедливости, и дополняет также нормативно основанные определения совместного производства и запасов (а не просто внешних факторов) для описания того, как нынешние действия связаны с настоящими и будущими воздействиями на природу и людей, что безусловно является полезным для организации и продвижения нашего мышления в устойчивой экономике целенаправленным, систематическим и методологически обоснованным образом.

Другое направление современных поисков в развитии данной парадигмы находится в контексте возрастающих глобальных проблем окружающей среды, когда дискурс «устойчивого развития» (20 лет после Брундтландского доклада, ВКОСР, 1987) оказался неспособным создать всеобщую стратегию и предпринять радикальные действия по смене как индивидуального, так и коллективного поведения [7]. Joan Martinez-Alier, Unai Pascual, Franck-Dominique Vivien, Edwin Zaccai полагают, что до сих пор живем в мире беспрепятственного стимулирования потребительского интереса, чрезмерного использования материалов и зависимости от ископаемого топлива. В результате, появились обновленные призывы отойти от парадигмы нового экономического роста и воспользоваться устойчивым спадом как объективным и демократическим переходом к маленькой экономике, с меньшим производством и потреблением. Такая система, по мнению их сторонников, позволит обеспечить «благоприятное падение» или по крайней мере мягкую посадку, в противовес неизбежному срыву в результате ухудшения окружающей среды.

«Спад», используемый в данном контексте - это синоним французского слова *decroissance*. А концепция, которая ищет пути в социальную

экологию, человеческую экологию, и экологическую экономику путем спада называется - «Общественный устойчивый экономический спад». Согласно Сержу Латушу, общество спада должно пониматься как «общество, основанное на качестве, а не на количестве; на сотрудничестве, а не на соревновании» [7]. Иными словами человечество должно быть освобождено от экономизма, объектом которого является общественная справедливость. Спад как девиз нацелен и в первую очередь акцентирован на абсурдности цели роста ради роста. Вместе с тем спад – это не негативный рост, а концепция, которая будучи противоречивой, пытается сделать шаг вперед, в то время как на самом деле идет назад.»

В то же время, если экономика перестает расти, но трудовая продуктивность не сокращается, то это может привести к росту безработицы. Это значит, чтобы сохранить благосостояние общества, необходимо сократить легальное рабочее время и/или отделить доход граждан от оплачиваемой занятости в большей степени, чем это сделано в настоящее время. В любом случае, чтобы получить понимание в политических и экономических дебатах, необходимо широко обсуждать предложения касающиеся отношений между спадом, вознаграждением, занятостью и работой. Точно также, должны быть проанализированы предпосылки экономического спада в монетарной и финансовых системах [7].

Современное спадающее движение не согласно с ходом мысли устойчивой государственной экономики (УГЭ), которой придерживаются многие экологические экономисты. Пока спадающее движение в основном связано с Франкофонным миром, УГЭ провозглашена в основном в Северной Америке. Например, Центр Продвижения Устойчивой Государственной Экономики (ЦПУГЭ) пропагандирует идеи в пользу УГЭ, которая предполагает «относительно стабильный, плавно изменяющийся продукт населения и потребление на душу населения» в экономике. На практике это предполагает нацеливание на стабилизацию экономики в короткие сроки (в политическом

и экономическом смысле приблизительно одно десятилетие) вокруг несущественно меняющегося уровня основного капитала, нерастущий уровень человеческого труда также, как почти постоянный объем пропускной способности и производство общественных товаров и услуг по данной технологической структуре. С точки зрения УГЭ, технологический прогресс увеличит уровень ВВП на единицу производства, хотя ограничен обратным эффектом инвестирования в инновации, которые в конечном счете согласно закону термодинамики вызывают экономический рост [7].

В противовес мнениям Дж. Стюарта Миля и Хермана Дали о необходимости УГЭ, Жоржеку-Рожен приводит доводы в пользу отмены потребительских уровней в таких странах, как США, которые он рассматривает как уже чрезмерно потребляющие и неумолимо находящиеся в ситуации, сейчас характеризуемой как «производящий капитализм».

Дальнейшее развитие теория «устойчивого развития» получает в работе Heidi Rapp Nilsen [8], целью которой является способствование переходу от преобладающей ситуации слабого устойчивого развития (СБУР) в направлении к сильному устойчивому развитию (СЛУР). Большинству людей – одинаково и ученым, и политикам, и бюрократам, и непрофессионалам – необходимо признать СЛУР как альтернативу СБУР. Совместный дискурс о СБУР и СЛУР предложен называть рефлексивным устойчивым развитием.

Данная работа использует рефлексивный подход, чтобы сосредоточиться на двух наиболее похожих определениях в экономике, называющиеся слабым и сильным устойчивым развитием (СБУР и СЛУР). Цель – оспорить преобладающую позицию СБУР через реальные обсуждения.

Два определения устойчивого развития в данной работе относятся к разным философским направлениям. СБУР – это часть неоклассической экономики, в то время как СЛУР – это предпосылка несколько других недавно образовавшихся теорий, таких как экологическая экономика, циркулиру-

ющая экономика и более радикальных интерпретаций промышленного менеджмента и корпоративной социальной ответственности.

Данная работа основывается на убеждениях, что человеческая полезность не должна быть единственной целью, что вследствие этого СБУР станет недостаточно и что СЛУР – это лучший способ для борьбы с продолжающейся ситуацией СБУР. В отношении климатических изменений это означает, что полезность и благополучие человека не смогут быть достигнуты за счет устойчивости природы [8].

Литература:

1. Бобылев С.Н., Ходжаев А.Ш. Экономика природопользования: Учебник. - М.: ИНФРА-М, 2010, - 501 с.
2. Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию / пер. с англ.; под ред. С.А. Евтеева и Р.А. Перелета. М., 1989.
3. Повестка дня на XXI век. Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де Жанейро. 3-14 июня, 1992.
4. Урсул А.Д. Устойчивое развитие: концептуальная модель. // Национальные интересы. 2005. №1
5. <http://news.nur.kz/190560.html> Казахстанские экологи в рамках международного трехлетнего гранта программы Британского совета завершили уникальный проект об изменении климата в Казахстане.
6. Stefan Baumgartner, Martin Quaas. Sustainability economics — General versus specific, and conceptual versus practical / Ecological Economics 69 (2010), p.2056.
7. Joan Martinez-Alier, Unai Pascual, Franck-Dominique Vivien, Edwin Zaccai. Sustainable de-growth: Mapping the context, criticisms and future prospects of an emergent paradigm / Ecological Economics 69 (2010), p.1741.
8. Hiede Rapp Nilsen. The joint discourse 'reflexive sustainable development' – From weak towards strong sustainable development / Ecological Economics, vol. 69, p. 495.